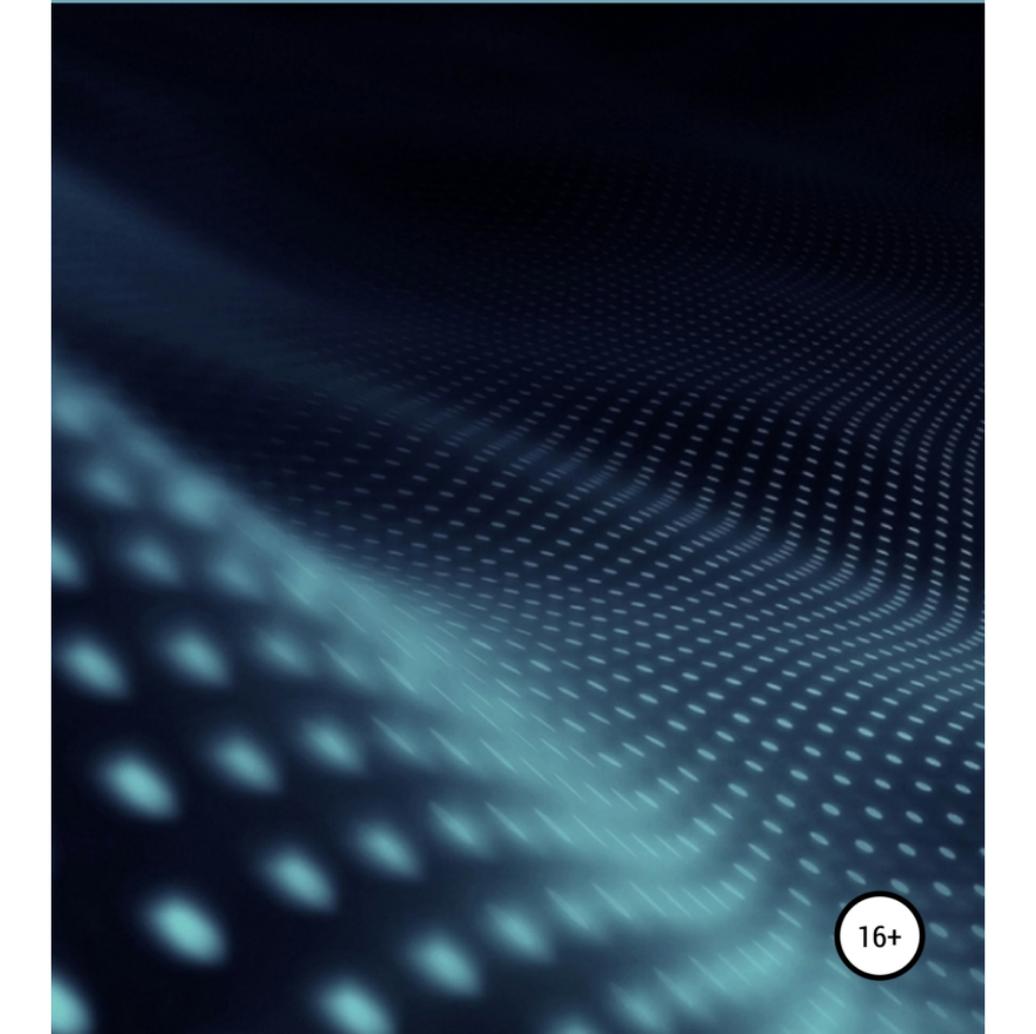

Мария Соловьёва

Космические грабли

16+

Мария Соловьёва

Космические грабли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64153617

SelfPub; 2021

Аннотация

Орбитальному бизнесу – космическую ответственность. Но не все успешные дельцы это понимают. И тогда в игру вступают защитники природы и его величество случай.

Мария Соловьёва

Космические грабли

Всеволод Подлипкин проснулся в прекрасном настроении. Накануне он немного перебрал, но голова была легка, а мысли радостны. Три месяца он собирался с инспекцией на Луну, совместить работу с отдыхом, и вот свершилось. Корабль готов, Луна в перигее, и если всё сложится, а удачи Подлипкину всегда хватало, следующим утром он будет любоваться роскошным видом на Землю.

Он потянулся, откинул невесомое одеяло и стал с наслаждением чесать голую ягодицу. Деликатное покашливание прервало это занятие. Подлипкин замер и повёл глазами. Кашляла девушка в кресле у окна. Юная, бритая наголо, с огромными глазами и флуоресцирующей татуировкой на правой скуле. В его личном шелковом халате. Подлипкин был готов поставить все свои деньги на то, что никогда её не видел. Ни на Земле, ни на Луне. Девушка улыбнулась и подмигнула. Он прикрылся и сипло, в два приёма спросил у потолка:

– Анжела, кхм... почему в доме посторонние?

Мягкий голос из потолочного динамика удивился и, похоже, обиделся:

– Посторонние? Вы привели гостью и отключили меня до утра.

– Сева, ты меня удивляешь! – подала голос девушка.

– Ты кто?

– Мирослава Блюмер, можно просто Мира. Из движения «Чистая орбита», мы вчера так мило провели с тобой время. В баре и не только, – чуть не пела она.

Подлипкин закатил глаза. Встал, криво завернулся в одеяло и вытянул руку в сторону двери, отчего стал похож на чуть помятого пафосного патриция:

– Пошла вон!

– Какой ты непостоянный, – Мира скривила губы и вздохнула. – Вчера признавался в любви и обещал ради меня очистить космос от мусора, а сегодня грубишь.

– Я тебя не помню!

– А так? – она вытянула из батареи пустых бутылок сочно-зелёный парик и надела его, отчего стала похожа на сказочную фею.

Подлипкин вспомнил, вздрогнул и бессильно опустил руки. Мысли его перетекли в другую плоскость. Защитники природы вслед за прогрессивным человечеством осваивали космос и активно мешали орбитальному бизнесу. Движение «Чистая орбита» ширилось с каждым днём, и компания «Космоконнект», крупнейший производитель спутников и малых орбитальных станций, подвергалась нападкам «чистых» больше всего. Подлипкина раздражали пылкие обвинительные речи и акции протеста. Он успешно отгородился от этой проблемы собственной службой безопасности. И

всё же «чистые» до него добрались.

– Как же вы меня достали, – он отстранил Миру и взял бутылку. Чудесное утро было искалечено мощным пинком лысой девчонки.

Она повернулась за ним, будто радар, и молча смотрела, как он пьёт коньяк прямо из горлышка. Залив в себя добрых полбутылкипряного огня, Подлипкин выдохнул:

– Короче, говоришь, чего тебе нужно и реактивно дуешь восвосяси. Мне пора собираться.

Мира кивнула. Не успел Подлипкин натянуть брюки, она снова сидела в кресле, укутанная в искрящийся синтетический плащ.

– Ты дал мне расписку, что во имя всего светлого и прекрасного, то есть ради меня, спонсируешь программу «Космические грабли».

– Чего? – ошалел Подлипкин.

Мира помахала перед ним сложенным листком. Архаичный бумажный чек, таких нигде не Земле уже не было, кроме безобразно дорогого винтажного бара «Назад». На обороте чётко читались убористые круглые буквы и его завитушечная подпись, которую невозможно подделать.

– А ещё обещал развернутое интервью для нашего журнала, но, – она подмигнула, – слишком устал. Так что про космограбли придется поговорить потом.

– К чертям космограбли! Ты журналистка что ли?

Подлипкин выхватил листок, смял его и поволок Миру

к выходу, удивляясь, откуда в тоненьком теле столько силы. Она упиралась, тараторила на ходу, стараясь сказать как можно больше:

– Этот ученый и правда гений! Я не всё поняла, что он объяснял, но чувствую – это наше спасение! А его не воспринимают всерьёз из-за трёх курсов психокоррекции. А если и выслушают, то, как узнают стоимость, сразу прощаются! Я в приёмную президента писала! В Москосмос! Отписки шлют. Пыталась организовать компанию по сбору денег, но никто не поддержал...

– Да потому что всем плевать на вас, бездельников! – Подлипкин накалялся всё сильнее. – Работать надо больше, времени на дурь не хватит. А то вы хотите и скоростной орбитет, и чистый космос! Не выйдет!

– Пожалуйста, услышь меня! Орбитет – это прекрасно, а вот мусор на орбите скоро сделает ненужными все ваши старания! Там люди гибнут!

Они в голос кричали друг на друга, будто между ними километр. Подлипкин, как был в носках, вытащил Миру за дверь, а она продолжала убеждать его, обещала прислать описание, умоляла ознакомиться. И тут к ним подбежал посеревший от страха охранник в усиленном спецкостюме.

– Ну наконец-то! – Подлипкин толкнул Миру прямо в его объятия, – выставить вон, чтобы дорогу забыла. Только вежливо!

Охранник подобострастно кивнул и утащил Миру. Она

что-то кричала, даже вроде плакала, но Подлипкину было уже всё равно. На Луну! Скорее, прочь с этой одуревшей планеты в тишину и покой!

**

Занесённый вечными снегами частный космодром компании «Космоконнект» не имел названия, только реестровый номер. Дорогущие старты с полюса могли себе позволить всего несколько человек на планете, и Подлипкин был одним из них. Только отсюда ракета, набирая вторую космическую скорость, могла сразу отправиться к Луне, минуя мусорные облака.

Выделенная Подлипкину полётная зона тщательно контролировалась Автоматизированной системой отслеживания потенциально опасных ситуаций околоземного космического пространства (АСПОС ОКП), и он даже не задумывался об опасностях на орбите. Его челнок «Триумф» был улучшенной версией старого отечественного «Урагана», простого и надёжного, как контрольный выстрел. Уже третий полёт Подлипкин делал самостоятельно, уступив своего лучшего пилота престарелому шейху Аль-Абдель-Азизу, который обожал орбитальные прогулки, но доверял только русским космонавтам.

В сумерках «Триумф» выглядел так эффектно, что полярное сияние, как никогда богатое в этом году, показалось Подлипкину рваной линиялой радугой. Новые двигатели добавили челноку немного объёма, но смотрелись лучше, чем род-

ные. Подлипкин обожал первым приобретать дорогие технические новинки, не дожидаясь официального конца испытаний.

В кабине его встретило радостное мерцание стеклянных панелей управления, готовых унести хозяина в тишину и покой космоса. С центрального экрана улыбалась очередная Мисс Мира, мулатка с какого-то тропического острова. Подлипкин ежегодно менял внешность Анжелы, своей персональной цифровой секретарши.

– Добро пожаловать на борт, капитан! – промурлыкала она бархатисто и совсем не по-деловому.

Голос невидимого диспетчера задал обычные вопросы, получил нужные ответы и пожелал счастливого пути. Вместо него зазвучала выбранная Анжелой модная инструментальная композиция «Я получу все сокровища космоса».

Подлипкин, накачанный антиперегрузочными стимуляторами, размяк в кресле и стал считать вслух:

– Десять, девять...

– Все системы готовы! – вклинилась Анжела.

– Восемь, семь...

– Ключ на старт! – не унималась Анжела.

– Шесть, пять... что за... – Подлипкин ухватился за нагрудный карман и достал курлыкающий телефон, на который звонили только важные люди. – Да!

– Сева, это Мира, ты уже летишь? – пропела трубка.

– Совсем дура! – завопил он, не глядя сунул телефон в

один из карманов. На секунду замешкался, потряс головой, как после удара и продолжил:

– Три, два...

– Поехали! – радостно перебила его Анжела и увеличила громкость музыки.

Не смотря на удушающие объятия гравитации Подлипкин пытался подвывать в такт мелодии. Вот-вот его «Триумф» освободится от притяжения Земли и, минуя всю эту орбитальную свалку, рванёт к Луне. А там...

Он с удивлением почувствовал уменьшение перегрузки и тут же истерично заголосил зуммер.

– Капитан, у нас проблемы, – тревожно сообщила Анжела.

– Дебильная фраза, – просипел Подлипкин, и поднял голову. – Что стряслось?

– Отказ второго и четвертого двигателей.

– Ну так подключи резервный!

– Подключен. Мощности не хватает.

– Еще что-нибудь подключи!

– Резервы задействованы. Но для набора второй космической их недостаточно.

– Вот зар-р-раза!

Подлипкин перевел кресло в вертикальное положение и осмотрелся. С детства он любил игры на ракетах-стимуляторах, и даже достиг определенных успехов в виртуальных орбитальных гонках с препятствиями. Но в реальности эту работу выполнял его профессиональный пилот. Да и с тех пор,

как он обзавёлся персональным полярным космодромом и премиум тарифом от АСПОС, не было нужды в сложных орбитальных манёврах.

– Капитан, двигаясь по эллиптической орбите, мы иногда будем попадать в мусорные облака. Режим уклонения и уничтожения препятствий активирован. Мы команда, мы обязательно справимся, – отрапортовала Анжела с интонацией воодушевлённой отличницы.

– Ой, заткнись уже, – отмахнулся Подлипкин.

Он связался с Землёй и уволил всю бригаду техников во главе с дежурным инженером. Потом спохватился, успокоился, и перепоручил Анжеле обеспечить орбитальную техподдержку и выставить претензию производителю двигателей. За это время на пути «Триумфа» появились отдельные обломки, которые автопилот заблаговременно спалил лазерной пушкой. Подлипкин размял ладони:

– Ну-ка, Анжела, отруби автопилот. Сам поруюлю.

– Капитан, это только начало мусорного облака.

– Я сказал сам.

«Триумф» между тем снесло к сорок пятой параллели и Подлипкин узнал Каспий в прорезах между облаками. Это было красиво. Давно он не рассматривал Землю с такого ракурса. Беспокойные природозащитники, как всегда, раздувают из мухи слона, подумалось ему. Половину северного полушария пролетели и только несколько кусков обнаружили. Подлипкин перевел взгляд на центральный иллю-

минатор. Там специальные маркеры АСПОС подсвечивали встречные объекты на ближайшие сто километров. Мусора прибавлялось, и Подлипкин забыл о красоте Земли. Самыми опасными были обломки, не отражающие свет. Система их, конечно, засекала, но визуально пилот спохватывался порой слишком поздно. Несколько манёвров прошли без сучка и задоринки, и он после каждого браво кричал Анжеле:

– Ну, видала? Нас так просто не возьмёшь!

– Капитан, плотность потока увеличивается. Рекомендую до встречи со станцией техобслуживания перевести корабль на автопилот.

– Успеем, дай повеселиться!

Подлипкин активировал ещё одну бортовую пушку и с мальчишеским восторгом расплыл на атомы пару особенно крупных обломков.

– Капитан, я настаиваю!

– Позже! На, получай! – прокомментировал он еще один взрыв.

– Капитан, угроза столкновения!

Подлипкин бросил джойстик и в последнюю минуту отвел корабль от ощерившегося фрагмента допотопной станции, который зловеще крутился вокруг своей оси. Специальная ткань перчаток не дала ему почувствовать, как вспотели ладони, но в желудке что-то противно заледенело.

– Уффф.. Успели! – он откинулся на спинку.

– Капитан, угроза не снята, обломок вра...

Мощный удар заглушил слова Анжелы, и теперь уже Подлипкин закрутился вместе со своим кораблём. Стабилизировать вращение он не успел – удары, пусть не такие мощные, посыпались градом, будто биток влетел в кучу бильярдных шаров. Индикаторы, словно сошедшие с ума от страха, одновременно заголосили о многократных сбоях систем, и Подлипкин не своим голосом заорал:

– Анжела, автопилот!

– Попытка переключения. Неудача. Вторая попытка переключения. Неудача. Третья попытка переключения. Неудача. Четвертая попытка...

– Молча! – схватился за голову Подлипкин. Его замутило.

Было от чего впасть в панику. Верещали индикаторы, бубнила Анжела, матерился Подлипкин, растерявший весь кураж, а «Триумфом» никто не управлял, и он нагонял всё новые обломки, вздрагивая от столкновений, как живой.

Эта дрожь вернула Подлипкину ясность мысли. Ему стало жалко «Триумф», будто это не железо, а живой боевой конь, которого глупый хозяин подвёл под пулеметную очередь. Отчаявшись выровнять корабль, Подлипкин схватился за пушечный джойстик и попытался уничтожить обломки, которые попадали в поле зрения. Какое-то время ему даже казалось, что вращение уменьшается. Но тут подала голос Анжела:

– Капитан, обнаружена утечка кислорода. Будьте готовы.

Подлипкин, не отрываясь от пушки, одной рукой опустил

стекло гермошлема, но не закрыл его, обернувшись к экрану:

– Тебя не видно, и ты странно разговариваешь.

– Проблемы с питанием, возникло несколько локальных замыканий. Вероятность того, что мы доберёмся до станции техподдержки, составляет не более восемнадцати процентов. Вероятность, что вы к тому времени будете живы, стремится к нулю. Советую подать сигнал бедствия.

– Так подавай!

– Проблема с контактами. Воспользуйтесь ава..рийной радио.. связью, – последнее слово Анжела произнесла совершенно исказившимся низким голосом.

Подлипкин дотянулся до красного тумблера, схватил рацию и, сверяясь с координатами, запросил помощи на русском, потом на английском. Анжела молчала, индикаторы умирали один за другим, а в пространстве перед «Триумфом» медленно росла, закрывая обзор, новая мусорная глыба. Подлипкин снова и снова кричал в рацию, холодея от ответной тишины. Под панелью связи что-то заискрило. Он застегнул гермошлем и решил убедиться в исправности контактов рации. Последнее, что он увидел, была синяя молния, весело сверкнувшая между контактом и перчаткой скафандра.

Кромешной темноты в кабине умирающего «Триумфа» не случилось. Слишком много было снаружи света от Земли и огромного роя освещенных Солнцем обломков. Стекло центрального иллюминатора покрылось паутиной сияющих тре-

щин. Через неё невозможно было понять, где мусор, а где спасательный челнок. Разве что мусор не светится габаритными огнями. Только с борта «Триумфа» никто уже не мог заметить этих огней.

**

Запах сандала, густой и удушливый, заполнил всю голову, и она стала, как тугой воздушный шар. Подлипкин терпеть не мог этого запаха. Он закашлялся и натужно разлепил глаза. Изображение плыло, будто он смотрел сквозь поток растительного масла. Хотелось протереть глаза, но руки не шевелились.

– Халёу, бэйби! – промурчало расплывчатое нечто.

Он вздрогнул и часто заморгал. Когда зрение вернулось, Подлипкин на несколько секунд забыл, как дышать. Над ним склонилась умопомрачительная красавица с глазами, как у индийской богини. Она улыбнулась и подалась назад. Подлипкин выдохнул. Наваждение исчезло. Просто смуглая молодая женщина с черными волосами, собранными в не очень аккуратный хвост на макушке. На комбинезоне женщины Подлипкин разглядел оранжево-бело-зелёный флажок с колесом на средней полоске. Он долго смотрел на это колесо, пока мысли, как тяжёлая телега, наконец не сдвинулись с места:

– Где я? Что с моим кораблём? – еле слышно спросил он.

– Руси? – обрадовалась женщина, и не дожидаясь ответа, прокричала куда-то себе за спину на неизвестном ему языке.

Подлипкин осторожно покрутил головой. Он лежал в помещении, напоминающем медицинский блок из старых фильмов про освоение космоса. Тесно, чисто, светло, никаких лишних вещей, кроме кушетки и встроенных полок с магнитными держателями для инструмента. К этой кушетке его и пристегнули ремнями безопасности.

Пока Подлипкин соображал, где очутился, в медблок вплыл улыбающийся во все зубы парень с таким же конским хвостом на голове, что и у женщины. Вновь прибывший радостно коснулся его плеча:

– Привет! Я Бабур, а это Майра. Мы на орбитальной станции «Сваргия Гхар». Тебя как зовут?

– Сева... – у обалдевшего Подлипкина не было пороку на официальное представление.

– Как чувствуешь, Сева?

– Нормально. Вроде. Что со мной?

– Пить? Кушать? Туалет? – не унимался Бабур.

– Ничего не надо! Что случилось? – Подлипкин начал терять терпение.

Бабур говорил по-русски хорошо, даже слишком. Он пустился в цветистые описания катастрофы «Триумфа» и чудесное спасение убитого током пилота:

– Я не знаю, сколько ты был как спящая красotka, – Бабур явно гордился знанием языка и своим юмором, – кислорода осталось почти мало-мало, но у тебя очень умный скафандр, хороший, он тебя долго сохранил. Майра лучший в космо-

се доктор, только она много переживает. И страховки много хочет, нет, как это... перестраховаться любит. Она тебя ещё усыпила на две сутки, как добрая волшебница, ха-ха!

Майра услышала свое имя и улыбнулась. Подлипкин разглядел морщинки и несколько серебристых волосков. Не такая уж она и молодая, как ему показалось. Он прервал словоохотливого Бабура:

– Какое сегодня число?

– Тринадцатое ноября.

Подлипкин застонал:

– Три дня! Что с моим кораблём?

– Нет у тебя корабля, Сева, – торжественно и трагично ответил Бабур. – Мы забирали аптечку, запасной скафандр, питание и что-то из инструментов. Всё, что могли унести кроме тебя. Челнок был похож на смятку. Защиты от мусора нет, что ли? Зачем ты сюда вообще на таком прилетел?

– Я не сюда, я на Луну.

– О-о-о-о... – уважительно протянул Бабур и замолчал, ожидая развёрнутого ответа.

Но вместо красочного рассказа Подлипкин только выдал:

– Сможете меня туда доставить?

Бабур рассмеялся. Майра смотрела на него с недоумением, но когда он перевел желание Севы, тоже улыбнулась и покачала головой.

– Хорошо, тогда на Землю, меня там все потеряли. Я хорошо заплачу! – оживился Подлипкин.

Он не умер, даже не пострадал. Ему снова повезло. Осталось уговорить радушных хозяев «Сваргии» помочь ему.

– Сева, – вздохнул Бабур, – мы на станции. Она не летает на Землю.

– Ну так вызовите кого-то!

– Такси? – иронично уточнил Бабур.

– Да хотя бы и такси! Вы знаете, кто я такой? Да за мной весь русский космофлот прилетит!

– Сюда не прилетит. «Сваргия Гхар» дрейфует в плотном мусорном облаке. Ты выбрал неправильное место для крушения.

– Мне нужна связь с Землёй.

Бабур развел руками. Подлипкин недоверчиво хмыкнул:

– Шутишь? У меня восемьдесят малых орбиталок и семьсот пять спутников вертится вокруг планеты! Связь есть везде!

– В твоём мире да. А здесь ей немножко сильно мешают глупые куски мусора.

– Но вы же как-то приняли мой сигнал?

– Ты был рядом, иначе мы бы и не услышали, и не вытащили тебя. Приём сигнала есть, отправка плохая. Антенну чинить надо. Опять.

Подлипкин бессильно и беззвучно выругался.

– Не ругайся, Сева! – примирительно похлопал его по руке Бабур. – Смотри на это, как на благо. Ты живой. И ты у нас в гостях. Давай покушаем и я покажу тебе наш дом!

Запах сандала царил на всей станции и Подлипкин скоро перестал его замечать. «Сваргия Гхар» оказалась типовой малой орбиталкой серии МОС-3. Таких Россия не эксплуатировала уже лет десять. Экипаж состоял из трёх женщин и двоих мужчин. Все уроженцы яркой танцующей Индии, они не улыбались, наверное, только во сне. Или когда Подлипкин отворачивался. Освоился он быстро, с удовольствием вспоминая институтскую практику именно на таких объектах. Однако, в отлаженный распорядок станции он вписывался плохо.

**

Почему граждане сильной космической державы используют снятую с производства российскую станцию, имея в своем арсенале пару новейших разработок, Подлипкин понял не сразу. А когда догадался, то ему стало не по себе.

«Сваргия Гхар» оказалась приютом научных авантюристов. Доктор Майра Джай и её помощники проводили опыты над человеческими эмбрионами в условиях невесомости и повышенного уровня радиации. Цель учёных была великой, как всегда – вырастить нового человека, способного покорять далёкий космос. Только ни одна страна Земли не одобряла таких опытов на своей территории, потому что расход эмбрионов был слишком велик. Для неофициальных исследований оставалась только околоземная орбита и отработавшая своё станция, которую содержали подпольные меценаты-евгеники.

Подлипкин предпочёл не знать, где Майра берёт такое количество эмбрионов. Его больше волновала возможность вернуться на Землю. А пока он настойчиво стремился помогать своим спасителям.

В лаборатории его вежливо не допускали, но когда он предложил помощь с ремонтом антенны, Бабур с радостью согласился.

Крупному Подлипкину не подошёл ни один предложенный костюм, а его новомодный лёгкий скафандр для путешествия в челноке защищал человека только от холода и радиации. Поэтому пришлось ждать, пока интенсивность мусорного потока снизится. Веселые индусы никуда не спешили и трижды устраивали чаепитие, отчего ответные улыбки Подлипкина всё больше напоминали гримасы шимпанзе.

Первый же выход в открытый космос стал для Подлипкина приключением. Работать с антенной надо было как во время войны – под огнём противника. Частицы мусора пронеслись мимо станции, угрожая пробить скафандр или стекло шлема. Ему даже не удалось просто замереть и полюбоваться Землёй. Сама «Сваргия Гхар» снаружи мало напоминала обычные МОС-3. Мусорная защита делала ее похожей на неповоротливого стального монстра в стиле «дизельпанк».

Ремонт антенны не требовал специальных навыков, и он справился довольно быстро. Но когда, окрылённый, вернулся в рубку управления, узнал, что теперь надо чинить проводку. На его измученный вздох Бабур виновато улыбнулся:

– Прости, Сева. У нас не была нужда, поэтому делали другие дела. Хочешь отдохнуть и посмотреть с нами фильм?

Подлипкин хотел только одного – исправной связи с Землёй. Бесконечный праздник жизни его доводил до исступления, и он из последних сил держал себя в руках. За пятеро суток на станции он ни на шаг не стал ближе к возвращению.

Пока команда «Сваргии» увлеченно подпевала героям какого-то голливудского фильма, Подлипкин от нечего делать решил самостоятельно прогуляться по станции. И сам не заметил, как попал в отсек, куда его ни разу не водили. Осмотрелся и забористо выругался. К станции был пристыкован малый пилотируемый грузовик, наполовину заполненный готовыми к отправке контейнерами.

Оторвать Бабура от фильма оказалось непросто, но Подлипкин был настойчив. Когда главный весельчак экипажа узнал, чего от него хотят, улыбка впервые исчезла со смуглого лица:

– Сева, пусть это не твоя печаль.

– Не моя? У вас есть корабль, на котором я еще пять дней назад мог улететь! Я же просил, я денег предлагал!

– Нам никак гонять пустой корабль сюда-туда. От нас ждут результаты. Результаты можем через месяц. Полетишь с ними.

– Бабур, – Подлипкин старался говорить спокойно, – это просто вопрос денег! У меня их много. Очень много! Не хотите, чтоб сюда прилетали за мной и узнали то, чего не надо

знать – отправьте меня сами. Конфиденциальность гарантирую.

Бабур молча и холодно смотрел поверх головы Подлипкина. Потом вздохнул:

– Я думал, тебе у нас нравится.

– У вас классно, но мне надо домой. Сколько стоит пустой рейс?

– Десять миллионов. Юаней.

Подлипкин присвистнул. Потом пересчитал в уме на рубли и присвистнул во второй раз.

– Хорошо, – наконец выдохнул он. – Готовьте.

– Сначала деньги.

– Но мне надо связаться с банком и дать распоряжение. А для этого нужно починить проводку, и чтобы пока я её чиню, мусор снова не срубил антенну!

Бабур пожал плечами, развернулся и уплыл досматривать кино. Подлипкин разжал кулаки. Злиться было непродуктивно. Но когда после часа возни с клубком проводов он по-прежнему оставался в том же положении, злость накатила битумной волной. Решение проблемы пришло внезапно и поначалу Подлипкин сам себя обругал. А потом, вежливо улыбаясь за общим ужином, продумал всё до мелочей.

Как вручную отстыковать грузовой корабль, он помнил с института. Главное – включить режим «пассажирская перевозка», чтобы умная техника не забыла про кислород.

Подлипкин извинился перед Бабуром, пообещал больше

не доставлять хлопот и даже просмотрел с командой вечером еще один кинофильм, искренне смеясь над похождениями какого-то мумбайского проныры.

А ночью аккуратно вынул контейнеры из грузовика, заставив ими проход так, чтобы в случае тревоги до него быстро не добрались. На верхний контейнер он прикрепил расписку, составленную по всем правилам международного банковского дела. Компания «Космосконнект» в лице своего учредителя и генерального директора обязалась выплатить десять миллионов юаней в пересчете на любую валюту мира за аренду малого грузового корабля серии МПГК-021Е, принадлежащего орбитальной станции «Сваргия Гхар».

Конечно, его диверсию обнаружили. Но слишком поздно, транспортник уже отстыковался.

– Простите! Я всё оплачу, с процентами! – крикнул Подлипкин удаляющейся станции, будто его кто-то мог услышать.

Баллистического спуска он не боялся. Надо просто вколоть себе антиперегрузочный стимулятор из вшитой в скафандр аптечки. И надеяться, что мусор не помешает.

Мусор помешал. Уже через пять минут после отстыковки Подлипкина дважды тряхнуло так сильно, что он истерично пожалел о побеге. Первоначальная траектория спуска была окончательно и бесповоротно изменена. И где теперь он приземлится, или приводнится, знает лишь физика, астрономия, география и, возможно, какое-то индийское боже-

СТВО.

**

В богов Всеволод Подлипкин не верил, но пока модуль не ткнулся мягко в землю, шепотом клятвенно обещал себе, людям, звёздам, планетам и даже старому креслу, в котором сидел, что пересмотрит бюджет компании и выделит денег на очистку орбиты.

Датчики показали нормальные температурные условия и люк отъехал в сторону, впуская в кабину морозный утренний воздух дикой степи. Неделя без гравитации – вроде бы и немного, но он предпочёл остаться на четвереньках, когда выбрался наружу. Вокруг не было ничего. Вообще ничего. Закопчённый модуль смотрелся опрокинутым казаном на бескрайнем столе, покрытом скатертью пожухлой травы. Парашют валялся в отдалении, как яркая смятая салфетка.

Подлипкин упал на спину, раскинул руки и лежал, глядя в светлеющее небо, пока морозец не начал щипать лицо и ладони. Пора было выбираться туда, где есть электричество, горячий душ и алкоголь. Он сел, ещё раз огляделся и радость встречи с родной планетой растаяла. На Земле стараниями природозащитников ещё остались нетронутые уголки, и он точно находился в одном из них. Но в какой конкретной стране остывает сейчас его посадочный модуль, Подлипкин не имел ни малейшего представления.

Холод прокрался под комбинезон и пришлось укутаться в серебристое термоодеяло – единственную тёплую вещь, что

нашлась в модуле. Подлипкин прихватил фляжку с остатками воды, ужасные пряные крекеры – подарок Майры, и пошёл наобум туда, куда показывала его укорачивающаяся тень.

Когда именно на горизонте возник крошечный верблюд, Подлипкин не понял. Он просто иногда оборачивался и в один из моментов увидел, что в степи есть жизнь. Через минуту стало ясно, что зверь тут не сам по себе. Ребенок или очень маленький человек вёл его к брошенному модулю. Подлипкин заорал не своим голосом и что было духу рванул обратно. Крошечная фигурка заметалась, заставила верблюда лечь, вскарабкалась на него и погнала прочь. Долго бежать Подлипкин не смог, но постарался запомнить, куда направлялся верблюд. Рано или поздно он выйдет к людям.

Люди сами вышли к Подлипкину. Вернее, подъехали на допотопном внедорожнике, который даже для свалки был слишком стар. Маленький высушенный жизнью и степью старик, а с ним мальчишка, наверняка, тот самый, что приходил с верблюдом. Смуглые и скуластые, то ли буряты, то ли казахи, то ли вообще перуанцы. Одеты современно, номеров на машине нет, поди разбери.

Подлипкин радостно замахал. Старик степенно подошёл, а пацан из-за его спины выдал, скорчившись от напряжения мысли:

– Хэллоу! Вэра ю фром?

– Айм фром Раша, – поддержал светскую беседу Подлип-

кин и улыбнулся так широко, как только смог.

Мальчишка что-то быстро буркнул деду и тот радостно осклабился, протянул цепкую ладонь:

– Здравствуйте! Добро пожаловать!

Подлипкин чуть не подпрыгнул, долго тряс дедову руку и весело ответил:

– А я-то думал, что промахнулся.

– Немножко. Это Монголия. Хорошо ли долетели? – осведомился дед.

– Ну... долетел, и хорошо, – хохотнул Подлипкин, довольный каламбуром, и подмигнул пацану.

Когда выяснилось, что никто не прилетит за Подлипкин-ным, его незамедлительно позвали в гости и пообещали найти возможность зарядить телефон. По пути дед, перекри-кивая тарыхтение внедорожника, рассказал, что зовут его Бахыт и он смотритель последнего в Евразии биосферно-го заповедника «Их Тал», что переводится как «Великая Степь». Русскому его выучил отец, когда-то работавший в России, а вот современные дети ходят с гаджетами-перевод-чиками, и если остаются без электронного помощника, то двух слов связать не могут. Подлипкин кивал и соглашался, а у самого голова кружилась от счастья и слипались глаза. Он чуть не уснул в дороге, а когда увидел юрту, подумал, что это всё же сон. Потому что в реальности невозможно пред-ставить себе древний войлочный дом со стеклянным купо-лом вместо крыши.

Дед Бахыт заметил и рассмеялся:

– Да, необычная у меня юрта. Внутри всё отделано, как пятьсот лет назад.

Подлипкину не было дела до быта средневековых монголов, и декор его не восхитил. А вот солнечные батареи и зарядные устройства привели в восторг. Он вытащил телефон и кинулся перебирать щупальца проводков у блока питания. Треснутый экран загорелся неровным салатовым и выдал текст, от которого эйфория лопнула мыльным пузырьком: «Критические повреждения. База данных утеряна. Совершить короткий звонок на последний сохранённый номер?»

Высвеченные цифры ничего не говорили Подлипкину, да и выбора у него не было. Он нажал «Да».

Через полтора гудка смутно знакомый голос ошарашенно спросил:

– Сева?

– Кто это?

– Мира. Ты...живой? Мамочки, да откуда ж ты взялся?! – заверещала трубка.

– Слушай внимательно. Я не смогу перезвонить. Отследи геолокацию и срочно сюда спасателей, поняла? Заповедник «Их Тал». Я потом все подроб...

Экран потух. Подлипкин отбросил мёртвый гаджет и опустошенно сел на мягкие шкуры. Потом заметил, что дед Бахыт стоит перед ним с дымящейся пиалой.

– Это знаменитый монгольский сутэй чай. Выпейте, Сева, всё будет хорошо.

Хорошо от солёного чая с молоком и жиром Подлипкину не стало, но он мужественно выпил всё, чтобы не обижать хозяина. Надеяться только на взбалмошную журналистку он не хотел, и вместо добавки чая попросил у деда Бахыта доступ в орбинет.

– Орбинет для нас слишком дорогой, – вздохнул старик.

– Но как вы связываетесь с миром? Только по телефону? А новости? – сыпал вопросами Подлипкин, пообещав себе, что как выберется, оформит деду Бахыту пожизненный премиум пакет орбинета.

– Новости не смотрю. Некогда. И не интересно, – дед Бахыт осторожно снял со стенки яркий войлочный ковёр с орнаментом.

Подлипкин присвистнул. Вполне себе современный ультратонкий мягкий экран повторял изгиб юрты. Пульт, принимающий любую удобную форму, привычно нагрелся в ладони. Дед Бахыт вышел, а Подлипкин принялся искать новостные каналы. Разнообразием монгольское национальное телевидение не могло похвалиться, китайского он не знал, а остальные каналы были платными. Он упорно листал и листал меню телевизора, больше уже по инерции. Китайская и монгольская речь белым шумом заполнила всю его голову, поэтому он не сразу отреагировал на русский язык. Вернулся, прислушался и чуть не задохнулся.

Бодрая дикторша сыпала словами, как горохом: «Суточные поступления в фонд имени Всеволода Подлипкина по нашей Иркутской области превысили пятнадцать миллионов рублей, это больше вчерашнего на десять процентов. В целом по России за эти же сутки на программу «Космические грабли» собрано два миллиарда триста три миллиона девяносто тысяч. Лидируют по-прежнему Москва, Краснодар и Владивосток, родина великого героя Подлипкина. Данные поступлений по всему миру вы можете отслеживать в бегущей строке всех телеканалов, а также в режиме реального времени на официальном сайте программы, адрес внизу экрана. К другим новостям...»

Подлипкин перевел глаза на бегущую строку. Названия городов и семизначные цифры слились в один поток, от которого плыло сознание. Он машинально ткнул кнопку поиска. На монгольском канале та же бегущая строка, те же постоянно растущие числа. И на китайском канале. И на всех прочих.

Когда дед Бахыт вернулся в юрту, телевизор был выключен, а гость сидел и смотрел неподвижно в одну точку.

– Плохие вести? – участливо спросил дед.

– Даже не знаю... вы когда последний раз телевизор смотрели?

– Смотрел-то вчера, но только не новости. Люблю старое кино. Такого сейчас не снимают, – вздохнул дед Бахыт, но тут же улыбнулся. – Ну, готовы обедать? Соскучились, на-

верное, по нормальной еде там, наверху.

Возле юрты в древнем каменном очаге метался огонь, а мальчишка Ержан деловито сервировал старинный низкий столик с резной столешницей. Огромные сочные куски вареного мяса на большой тарелке тоже были, как из средневековья. Подлипкин и не помнил, когда он ел вот так незатейливо приготовленное блюдо. Это было потрясающе вкусно. В неспешном разговоре хозяин деликатно обходил тему появления посадочного модуля там, где его категорически быть не должно. Дед Бахыт ждал, чтобы гость сам начал рассказ. А гость ждал, когда в небе раздастся звук спасательного вертолѐта.

Но прилетел не вертолѐт. Огромный серебристо-чѐрный военный конвертоплан, адская машина, которая умеет летать со скоростью более восьмисот километров в час, распугала верблюдов и озадачила людей. А когда среди идущих к юрте крепких вооруженных парней Подлипкин увидел тонкую фигурку с зелѐными волосами, то сам чуть не рванул вслед за верблюдами.

Один из прибывших не походил на спасателя. Высокий полный монгол в военной форме с кучей знаков отличия и надменным лицом был по крайней мере генералом. Он коротко кивнул Подлипкину, почтительно поздоровался с дедом Бахытом, улыбнулся Ержану и скрылся в юрте вместе с хозяевами.

Подлипкин остался один на один со своим непониманием

происходящего. Он продолжал жевать мясо и даже не подумал встать, когда Мира подошла к нему.

– Ну, здравствуй, Сева!

Он не пошевелился и не произнес ни слова, глядя то на Миру, то на ее эскорт.

– Ты снова сама невежливость, – она села рядом и вручила ему пузатую тёмную бутылку с французскими буквами на золотой этикетке. – Вот, твой любимый.

Подлипкин сделал долгий глоток прямо из горлышка и наконец выдал:

– Что означает весь этот цирк?

– О, – оживилась Мира, – тебе с какого момента рассказывать?

– С начала. И особенно подробно – про мой фонд и эти чёртовы космограбли, – он ещё раз глотнул и протянул ей бутылку.

– Знаешь, – она усмехнулась, отклоняя предложенный коньяк, – я за последние дни безумно устала всё это повторять, поэтому буду краткой. Ты герой планеты, Всеволод Подлипкин. Ты отправился в опасный полёт, чтобы лично на своей шкуре прочувствовать положение с загрязнением орбиты. И ты трагически погиб где-то там, – она возвышенно глянула в небо, – но перед стартом в последнем телефонном разговоре пообещал мне, что изменишь этот мир.

– Что ты несёшь? – Подлипкина шатнуло.

– Как только стало известно о потере связи с «Триум-

фом», я послала запрос в АСПОС и узнала, что сигнал пропал после встречи с мусорным облаком. Сева, милый, это же был перст судьбы! Ты получил по заслугам. Но, – она сложила губы в притворном умилении, – накануне ты был такими милым и щедрым, что мне захотелось обелить твое имя. И пришла мысль попробовать, только попробовать заикнуться публично о программе «Космические грабли». Если честно, я сама не ожидала, что сработает.

Мира придвинулась к нему вплотную и прошептала на ухо:

– Мне пришлось наврать, что ты мой жених. Чтобы попасть на центральное телевидение. И там я очень удачно заплакала в одном интервью. А потом было приглашение от другого канала на полноценное ток-шоу. Какие-то люди из твоего окружения сказали, что я вру. На всю страну сказали, представляешь? Но у меня же остались наши совместные фотографии, – она хихикнула, – и подтверждение от сотового оператора, что именно со мной ты говорил во время старта. Зрители поверили. А когда я говорила о твоих последних словах, все плакали, даже мужчины. Ты ведь догадываешься, что после этого меня заметили в администрации президента? Короче, снежный ком слепился такой грандиозный, что программа «Космические грабли» теперь в приоритете у любого правительства. Сейчас до жути модно делать пожертвования в фонд имени тебя. Города и области соревнуются, кто больше вложит во всеобщее благое дело. Ракето-

строительные заводы уже готовы выпускать комплектующие для космограблей.

Подлипкин слушал и улыбался этому абсурду, как ребенок. Он даже не рассердился на Миру, что она записалась в его очередные невесты. Возможно, это было действие алкоголя, но он вдруг почувствовал, что рад её видеть.

– Слушай, ты молодец! Правда! Прости, что наезжал. Там, – он кивнул на небо, – адская свалка. Я сейчас вникну, что тут без меня произошло, и непременно вварюсь в общее дело.

– Сева, ты не понял? Не надо никуда ввариваться. Вообще не стоит никому знать, что ты цел-невредим.

Войлочная стенка юрты вдруг навалилась на Подлипкина, и он сполз на пожухлую траву. Космическая тьма, пузырящаяся звёздными искрами, вливалась в его сознание мягко, как любимый коньяк.

– Думаешь, это мои парни? – Мира указала глазами на стоящих неподалёку бравых ребят с каменными лицами.

– А чьи? – слабея, спросил Подлипкин, хотя сам прекрасно знал, у кого в ангаре стоят лучшие на Земле конвертопланы.

– Вот именно, – невпопад согласилась Мира и ободряюще ему улыбнулась. – Не надо наступать на космические грабли, милый. Посидишь годик на Луне, не рассыплешься. Видишь ли, для человечества ты сейчас гораздо полезнее погибший, чем живой.